

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *Е. Елькиной*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Антонова, Наталия Николаевна.

А72 Прощание с плейбоем : [роман] / Наталия Антонова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Уютный детектив).

ISBN 978-5-04-107357-2

В детективное агентство «Мирослава» обращается крупный бизнесмен и политик Эдуард Шиловский. Единственного сына Эдуарда, известного тусовщика и плейбоя Костю, сбили его собственной машиной.

Помимо обычных грехов молодых и богатых, на совести Константина еще и смерть простого рабочего Артема Солодовникова, любящего мужа и отца. Для детектива Волгиной становится очевидно, что убийство Шиловского совершено из мести. Но все его жертвы — мягкие, порядочные, простодушные люди, обычные жители маленького городка, неспособные постоять за себя. Кому же хватило духа осуществить возмездие?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н.Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство

«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-107357-2

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Золотистый цветок заката, обрызганный слезами дождя, раскрылся и выгнул упругие пурпуровые лепестки на фоне чистого прозрачно-зеленого неба.

Хотелось успокоения и благодати. Но не тут-то было.

Шура ввалился в дом детектива Мирославы Волгиной усталый и расстроенный.

— Ах, Слава, — начал он, чуть ли не с порога, — только ты одна можешь меня спасти!

— Если бегемотик хочет ласки, то поглажу по головке, а если чего-нибудь пожрать, то это к Морису, — усмехнулась Мирослава.

Шура отмахнулся:

— Какое поглаживание! Голодный, я, конечно, как волк, но проблема не в этом.

— А в чем? — спросила она лениво.

— Вы, ребята, газеты читаете?

— Книжки, — ответила Мирослава.

— И интернет, если нужна какая-либо информация, — добавил Морис.

— Джунгли! — почему-то возмущился Шура. — Дебри Амазонки! Вы что, не слышали, Константина Шиловского убили! И как!

— И как? — в один голос спросили Морис и Мирослава.

— На машине переехали. На проселочной дороге!

— Ну и что, — пожала плечами Мирослава.

— Ты что, не знаешь, кто такой Шиловский?!

— А должна?

— Это сын Эдуарда Шиловского!

— И что?

— Ну ты даешь! Заладила «и что, и что», — передразнил ее Наполеонов. И не выдержав, снизошел до объяснения: — Эдуард Шиловский не последний парень на деревне, в смысле политики в области! Все уже на уши поставлены! Начальство повелело найти убийцу немедленно!

— А это убийство?

— А что же еще, по-твоему?! — вознегодовал Наполеонов. — Видела бы ты, как его переехали! И вообще, как ты думаешь, что он делал в этой глухомани? Зачем он туда поехал?

— А я должна об этом думать?

— Славочка! Милая, родная, выручай!

— Нет, Шура, ты же знаешь, дружба дружбой, а табачок врозь. Я работаю только за гонорар.

— Но, Слава! Я отдам тебе половину своей зарплаты.

Она весело расхохоталась.

— Чего ты смеешься? — насупился Шура.

— Слишком большие деньги ты мне обещаешь.

— К твоему сведению — зарплату нам прибавили!

— Ха-ха.

— Слава, а если я обижусь?

— Я давно тебя знаю, Шурочка, ты не осел и не глупец.

— Ты, конечно, права. Но если ты не поможешь...

— Нет.

— Слава, между прочим, два года назад Константин Шиловский уже попадал в криминальную сводку новостей, и шум определенный поднимался.

— Да?

— Он парня сбил, чуть ли не на тротуаре возле заводской проходной. На глазах его друзей. Парни как раз со второй смены шли.

— Пострадал только один человек?

— Да. Он первый ступил на дорогу, как только зажегся зеленый, успел сделать всего пару шагов.

— И что, Костю отмазали?

— Да, дело замяли, — опечалился Наполеонов. — А у парня жена осталась и двое детишек.

— Шиловский старший откупился?

— Не знаю. Но...

Послышался звон колокольчика. Значит, кто-то нажал кнопку звонка на воротах.

— Пойду, посмотрю, кто пожаловал, — проговорил Морис.

Назад он вернулся с коренастым господином лет пятидесяти пяти, одетым в итальянский серый костюм.

— Так, — пробормотал Шура себе под нос, — не поминай черта... Господин Шиловский собственной персоной.

— Мирослава Игоревна? — спросил тем временем Шиловский.

— Да, — ответила она, окидывая его оценивающим взглядом.

— Эдуард Бенедиктович Шиловский, — представился он и привычным, почти неуловимым движением выдвинул вперед квадратный подбородок.

Мирославе он напомнил бульдозер и вызвал неприязнь с первого взгляда, но, заметив умоляющий взгляд Наполеонова, она, пересилив свое желание немедленно указать непрошеному посетителю на дверь, проговорила:

— Мое имя вы уже знаете. Мой сотрудник, Морис Миндаугас, следователь Александр Наполеонов.

— И что он здесь делает? — неожиданно жестко спросил Шиловский, бросив злой взгляд в сторону следователя.

— Дружит со мной, — усмехнулась Мирослава и, прочитав недоумение на лице Шиловского, добавила: — С младенчества.

— Друг детства, значит? — недобро усмехнулся Шиловский.

— Значит.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине.

Мирослава хотела возразить, но Шура схватил Мориса за рукав и потащил из комнаты.

— Пошли, пошли, если кто кого и покусает, то точно не он ее.

— Думаешь?

— Уверен. Заодно меня покормишь.

Проходя мимо Мирославы, Наполеонов сунул ей в руку скрученный листок бумаги.

— Пройдемте в мой кабинет, — предложила Мирослава и, не оглядываясь, вышла из гостиной.

Посетитель безмолвно последовал за ней. Заговорил он, как только закрылась дверь кабинета.

— Вы, наверное, уже знаете, — начал Шиловский, — что моего сына...

— Знаю.

— Я заплачу любой гонорар за имя... — Он запнулся.

— Насколько я понимаю, этим делом уже занимаются правоохранительные органы.

— Вы, часом, не издеваетесь надо мной? — вспыхнул Шиловский.

— Нисколько.

— Тогда давайте говорить серьезно. Вы найдете убийцу моего сына?

— Постараюсь, — пожала она плечами, — но, как вы понимаете, стопроцентной гарантии...

— Постарайтесь, — перебил он угрожающе, — очень постарайтесь!

— Если вы, Эдуард Бенедиктович, не смените тон, — спокойно проговорила Мирослава, — то я выставлю вас вон.

Он посмотрел на нее долгим оценивающим взглядом и проговорил нехотя:

— Простите, вы должны понимать, что у меня сдают нервы.

— Это не дает вам права давить на других и вести себя, мягко говоря, невежливо.

— Вы хотели сказать, по-хамски? — усмехнулся он угрюмо.

— Именно это я и хотела сказать, — не стала отрицать Мирослава.

— Вы правы. Приношу свои извинения.

— Принимаю ваши извинения. — Она отлично понимала, что извинился он вовсе не потому, что раскаялся или хотя бы понял, что был не прав. Нет, просто как человек, хорошо изучивший людей, Шиловский понял, что давить на детектива опасно, в любую минуту она может послать его к черту, не принимая во внимание его связи и деньги.

Прежде чем обратиться к Волгиной, он хорошо изучил ее биографию. И знал, что в самом начале своей карьеры следователя она не захотела идти на поводу навязываемой ей версии и спасла от тюрьмы молодого офицера, воевавшего во время чеченской кампании. На парня решили повесить все промахи вышестоящих плюс кражу крупной суммы денег.

Ей приказывали, угрожали, пытались подкупить. В конце концов, в нее стреляли, ранили.

А она через неделю сбежала из госпиталя и, несмотря на то что ее отстранили от дела, сумела доказать невиновность парня.

«Как там писал поэт Николай Тихонов в своей «Поэме о гвоздях»: «Гвозди б делать из этих людей: Крепче б не было в мире гвоздей», — насмешливо подумал Шиловский.

Откуда ему было знать, что Мирослава Волгина из той породы людей, что берегут честь своего рода. Попадая в трудные моральные ситуации, она вспоминает своего деда, отдавшего работе в убойном отделе большую часть своей жизни. И думает о том, как поступил бы он. А еще есть прадед, лихой казак, перенесший ссылки, каторгу, прошедший гражданскую войну и не поступившийся своими принципами. Его портрет всегда висел на стене в гостиной ее бабушки и дедушки, и Мирослава столько слышала о его подвигах и добром нраве в мирное время, что ей казалось, она знала его живым и любила. Так что она, Мирослава, не имеет права запятнать их память.

Всего этого Шиловский не знал, но ради того, чтобы узнать имя убийцы своего сына, он был готов вытерпеть нелегкий характер детектива, о котором все в один голос твердили, что это ас своего дела.

— Сядьте и изложите суть, — услышал он ее голос.

— Спасибо, что наконец-то предложили мне присесть, — усмехнулся Эдуард Бенедиктович и расположился за столом напротив Мирославы.

По его позе было заметно, что он не привык чувствовать себя в роли просителя. Выдержав ее пристальный взгляд, он счел нужным объяснить:

— Один влиятельный человек сказал мне, что если кто и найдет убийцу моего сына, то только вы. — Шиловский не стал говорить Волгиной, что поначалу, узнав, что рекомендуемый ему детектив молодая женщина, он отнесся к совету скептически.

Но «влиятельный» человек был так убедителен, оперируя фактами, что Шиловский проникся верой в способности Мирославы. Он начал надеяться чуть ли не на чудо: вот сейчас она взмахнет рукой и из рукава выпадет тот, чьей крови он сейчас жаждет больше всего на свете.

А вместо этого услышал спокойно прозвучавший голос детектива:

— В полиции работают не менее компетентные люди.

Гримаса презрения исказила лицо посетителя.

— Хорошо, — сказала Мирослава, — я слушаю вас.

— Вы, наверное, читали газеты...

— Меня интересует не версия СМИ, а ваш рассказ.

Эдуард Бенедиктович дернул правым плечом, но удержался от колкостей и сказал:

— Два дня назад мой сын не вернулся домой.

— Он живет с вами?

— Нет, он уже взрослый парень и у него своя квартира. — Он сделал паузу, ожидая, что Ми-

рослава задаст новый вопрос. Но она молчала, и Шиловский продолжил: — Мне позвонила его домработница. Она сказала, что телефон Константина не отвечает.

— Домработница настолько близка с вашим сыном, что может звонить на его телефон?

Шиловский посмотрел в упор на Мирославу и снизошел до объяснения.

— Евгения Степановна заботилась о Косте с детства. Потом, когда он решил жить отдельно, она ушла с ним, хотя моя жена была категорически против.

— Почему?

— Потому, что Ксении и самой нужна была тетя Женья.

Мирослава не подала виду, что заметила оговорку Шиловского, просто отметила про себя, что домработница сына, вероятно, не один десяток лет прожила в семье Шиловских.

— После звонка Евгении Степановны, — продолжал тем временем Эдуард Бенедиктович, — я и сам встревожился.

— Почему? Думаю, ваш сын и раньше часто гулял до утра.

— Это так, — поморщился Шиловский. — Костя не был пай-мальчиком, он мог вообще несколько дней не появляться дома, но тетю Женю он всегда предупреждал и не пропускал ее звонков.

— Он мог где-то оставить телефон, — закинула удочку Мирослава...

— Не мог, — отрезал Шиловский. — Поэтому я стал звонить его друзьям, с которыми он чаще всего проводил время. Но двое из них вообще не имели понятия, где Костя. А Леня сказал, что Костя подцепил какую-то новую девицу, откололся от коллектива и укатил с ней.

— Он не знает, как зовут девицу?

— Понятия не имеет.

Шиловский сделал паузу, а потом продолжил:

— Я решил немного подождать, а потом задействовать службу безопасности. Не мог же мой сын испариться. Они бы непременно его разыскали в любом клубе, гостинице, на квартире.

У Эдуарда Бенедиктовича перехватило дыхание, он порывлся в кармане пиджака и сунул в рот какую-то таблетку.

Мирослава расправила на столе лист бумаги, который второпях сунул ей в руки Наполеонов, и быстро пробежала глазами строки: «Артем Григорьевич Солодовников сбит автомобилем Константина Шиловского два года назад. Остались мать, жена, двое детей».

— Короче, их услуги не понадобились, — проговорил, отдышавшись, Шиловский. — В новостях передали, что на проселочной дороге обнаружен труп молодого мужчины, и в его кармане найдено водительское удостоверение на имя моего сына. Я сразу поехал туда. Это был мой Костя. Самое ужасное, что его переехала его собственная машина, — с трудом выдохнул Шиловский.

— Ваш сын позволял садиться за руль посторонним?

— Насколько я знаю, нет.

— А друзьям?

— Думаю, что и им тоже.

— Но не уверены?

— Нет.

— Получается, что ваш сын не только позволил кому-то сесть за руль своей машины, но и оставил его за ним сидеть, когда сам по какой-то причине покинул салон и вышел на дорогу.

— Получается, — нехотя согласился Шиловский.

— И вы даже не можете предположить, кто мог воспользоваться доверием Константина.

— Не могу. К тому же моего сына нельзя назвать доверчивым!

— И тем не менее.

— Тем не менее, — поморщившись, согласился Шиловский и проинформировал: — Позднее я задействовал весь имеющийся у меня ресурс, но полиция за два дня не сдвинулась с места. Они понятия не имеют, кто мог сбить моего сына.

— А вы, Эдуард Бенедиктович?

— Что я?

— Вы подозреваете кого-то?

— Вы уже спрашивали!

— Я настаиваю.

На миг Шиловский замялся, но потом все-таки сказал: